

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №1, Том 11 / 2020, No 1, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/18FLSK120.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Федоренкова В.С. Классификация местоименных слов эвенского языка по категориальному значению // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/18FLSK120.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Fedorenkova V.S. (2020). Classification of substitutive words of the even language by categorical meaning. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/18FLSK120.pdf> (in Russian)

УДК 811

ГРНТИ 16-41

Федоренкова Валерия Степановна

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия

Ассистент кафедры «Алтайских языков, фольклора и литературы»

E-mail: Valeria.141169@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0785-0273>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=722295

Классификация местоименных слов эвенского языка по категориальному значению

Аннотация. Статья является частью диссертационного исследования прономинальной системы эвенского языка. В статье анализируются проблемы и принципы классификации класса заместительных слов в тунгусо-маньчжурских языках и, в частности, в эвенском языке. Определение грамматического статуса и классификация заместительных слов представляет проблему, решаемую грамматистами в зависимости от отношения к принципам выделения местоименных слов в особую часть речи. В языкознании существует два основных подхода к классификации прономинативов: (1) семантический, рассматривающий семантические разряды местоимений, и (2) грамматический, позволяющий классифицировать заместительные слова по категориальной соотнесенности с другими частями речи. Для классификации местоимений по формально-грамматическому принципу учитываются либо функциональные (по замещаемым словам), либо морфологические особенности.

Автор отмечает преобладание в большинстве исследований тунгусо-маньчжурских языков семантического принципа классификации местоименных слов, т. е. распределение по группам личных, возвратных, притяжательных, указательных, вопросительных, относительных, неопределенных, отрицательных и других местоимений. В зависимости от категориального значения «предметности», «атрибутивности» или «призначности предмета» и соотнесенности со словами соответствующих частей речи в эвенском языке автором выделяются следующие группы местоимений: субстантивные местоимения, адъективные местоимения, адвербиальные местоимения, местоимения-числительные и глаголы с местоименной семантикой.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки; эвенский язык; лексико-грамматический класс слов; прономинальная система; местоимение; семантические разряды местоименных слов; формально-грамматическая классификация местоименных слов

Классификация местоименных слов представляет проблему, решаемую грамматистами в зависимости от отношения к принципам выделения местоименных слов в особую часть речи: «Чем строже выдерживается грамматический (прежде всего морфологический) принцип, тем меньше разрядов слов отнесено к местоимениям; чем больше применяется лексический принцип, тем более разнообразны разряды слов, включаемые в грамматических работах в раздел о местоимениях. Количество разрядов слов, относимых к местоимениям, зависит, естественно, и от строя рассматриваемого языка» [1, с. 34].

В языкознании существует два основных подхода к классификации прономинативов: (1) семантический, рассматривающий семантические разряды местоимений, и (2) грамматический, позволяющий классифицировать местоименные слова по категориальной соотнесенности с другими частями речи. Для классификации местоимений по формально-грамматическому принципу учитываются либо функциональные (по замещаемым словам), либо морфологические особенности. Исходя из лексико-грамматического разряда замещаемых слов, местоимения подразделяют на местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоименные наречия и глаголы с местоименной семантикой.

Как заметила К.Е. Майтинская в работе «Местоимения в языках разных систем», «по какому бы принципу ни проводилась классификация местоимений (местоименных слов), в преобладающем большинстве работ в известной степени представлен семантический принцип классификации, т. е. распределение по группам личных, возвратных, притяжательных, указательных, вопросительных, относительных, неопределенных, отрицательных и других местоимений» [1, с. 37].

В тунгусо-маньчжуроведении можно выделить те же два типа классификации прономинативов: (1) традиционная семантическая, рассматривающая семантические разряды местоимений, и (2) формально-грамматическая классификация по соотнесенности местоимений с другими частями речи. Формально-грамматический принцип представлен в трудах Б.В. Болдырева. Анализ прономинальной системы эвенкийского языка позволил профессору Б.В. Болдыреву выделить два основных компонента в семантике прономинативов: общее категориальное значение, совпадающее со значением одной из знаменательных частей речи, и индивидуальное разрядовое значение. В исследовании морфологии современного эвенкийского литературного языка Б.В. Болдырев определил принципы, являющиеся классифицирующими при отнесении слова к той или иной части речи, определил в системе частей речи место слов, «категориальное значение которых обусловлено их разрядом (местоимения, числительные, причастия, деепричастия)» [2, с. 11].

По мнению Б.В. Болдырева, «различие между категориальным и лексическим значением состоит в том, что последнее представляет собой минимум признаков первого, закрепленного за словом и необходимого для того, чтобы данное слово приобрело общественную значимость. Лексическое значение делает слово понятным и позволяет ему функционировать в речи. Что касается термина "категориальное" или "общеграмматическое значение", то он обозначает грамматическую категорию, обобщенно отражающую тот или иной класс предметов, признаков, процессов. Категориальное грамматическое значение формируется на основе обобщения и формализации мыслей об отношении предметов к действительности» [2, с. 9].

Несмотря на признание специфики местоименных слов, Б.В. Болдырев не рассматривает местоимения как самостоятельный класс знаменательных слов или как часть речи, хотя в составе лексико-грамматических классов, в зависимости от общекатегориального значения «предметности», «атрибутивности» или «призначности предмета», им выделяются местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные наречия. И

только внутри морфологического класса именных слов Б.В. Болдырев выделяет семантические разряды прономинативов [3, с. 52].

Если для Болдырева грамматический подход к классификации является доминирующим, то в основе классификации Н.Я. Булатовой лежит семантический принцип: местоимения в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков классифицированы по семантическому значению и уже в составе каждого разряда рассматриваются местоименные слова с учетом категориального значения, совпадающего со значением одной из знаменательных частей речи [4]. Такой подход обусловлен широко распространенным в тунгусо-маньчжурских языках явлением конверсии – способа словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; при котором номинативная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи, например: ср. *мо* (1) ‘дерево, дрова’ и (2) ‘деревянный, древесный’: *мов хунадай* ‘дрова пилить’; *мбэ жэ* ‘деревянный дом’; *кэнили* (1) ‘плохой, злой’, (2) ‘зло, вред’, (3) ‘плохо, вредно’: *кэнили бэй* ‘плохой человек’, *кэнили-в одай* ‘сделать зло, навредить’, *тачин нэжми кэнили* ‘так поступать плохо’.

Семантический принцип классификации местоименных слов является преобладающим в тунгусо-маньчжуроведении и эвенковедении.

В зависимости от категориального значения «предметности», «атрибутивности» или «призначности предмета» и соотносительности со словами соответствующих частей речи в эвенском выделяются следующие группы местоимений: субстантивные местоимения, адъективные местоимения, адвербиальные местоимения, местоимения с количественной семантикой и глаголы с местоименной семантикой или проверки.

Субстантивные местоимения

К субстантивным местоимениям, категориально соотносительным с именами существительными, относятся местоименные слова, замещающие слова с категориальным значением предметности. По мнению Б.В. Болдырева, «местоименные существительные не имеют морфологических особенностей, которые могли бы отграничить всю их совокупность от остальных разрядов имен существительных» [3].

Местоименные существительные делятся на следующие *семантические* разряды:

1) Личные местоимения *би*: ‘я’, *хи*: ‘ты’, *ноңан* ‘он’, ‘она’, ‘оно’, *мут* ‘мы’ (инклюзивная форма), *бу*: ‘мы’ (эксклюзивная форма), *ху*: ‘вы’, *ноңартан* ‘они’.

2) Возвратные местоимения *мэ:ни* в единственном числе ‘себя’, во множественном числе *мэ:нур* или *мэ:рбур* ‘себя’; взаимно-возвратное *мэ:н мэ:нур* ‘друг друга’; возвратно-определятельные или «лично-возвратные» местоимения, образованные от основ *мэ:н-* и *бэй-*: *мэ:ндув* ‘я себе самому’, *мээ:ндус* ‘ты себе самому’, *мэ:ндун* ‘он себе самому’, *бэйдув* ‘я себе самому’, *бэйдус* ‘ты себе самому’, *бэйдун* ‘он себе самому’.

3) Определительные *мэ:нкэн* ‘сам’, *мэ:ркэр* ‘сами’, *мэ:нкэсэл* ‘сами’, *бэйтэн* ‘каждый’, *хан* ‘некоторый, некоторая часть’, *чэлэ* ‘весь’, *эйду* ‘весь’, *бэкэчэн* ‘весь’, *чэлэн* ‘всё’, *кубэч* ‘целый, весь’, *һөнтэки* ‘любой’, ‘разный’, *һөнтэ* ‘другой, чужой’, *гя* ‘другой’, *гя:дмар* ‘другой’, *ирэк-тэ* ‘любой’, *ха-н* ‘некоторый, часть (чего-либо)’, *бэй-дыи* ‘сам’, *бэй-дыур* ‘сами’, *бэйтэ:н* ‘каждый’, в западных говорах личные формы определительного местоимения от основы *бэй-* ‘сам’: *бөю* ‘я сам’, *бөйөс* ‘ты сам’, *бөйөн* ‘он сам’, *бөйөт* ‘мы сами’, *бөйөһнөн* ‘вы сами’, *бөйөтнөн* ‘они сами’.

4) Указательные *эр* ‘этот’, *эрэк* ‘этот’, *тар* ‘то, тот’, *тарак* ‘тот’, *тавор* ‘вон тот’; указательные местоимения, оформленные аффиксом относительной принадлежности *-ң-* и лично-притяжательными аффиксами: *эрэну* ‘это мне принадлежащее’, *эрэңс* ‘это тебе принадлежащее’, *эрэңэн* ‘это ему принадлежащее’, *эрэңэт* ‘это нам принадлежащее’, *эрэңсэн/эрэңөнөн* ‘это вам принадлежащее’, *эрэңэтэн/эрэңөтнөн* ‘это им принадлежащее’, *тараңу* ‘то мне принадлежащее’, *тараңас* ‘то тебе принадлежащее’, *тараңан* ‘то ему принадлежащее’, *тараңат* ‘то нам принадлежащее’, *тараңасан/тараңоһонн* ‘то вам принадлежащее’, *тараңатан/тараңотнон* ‘то им принадлежащее’. Указательные местоимения *эр* ‘этот’, ‘этот’, *тар* ‘тот’, *тарак* ‘тот’, *тавор* ‘вон тот’ могут употребляться в предложении в качестве личного местоимения 3 лица, например: *Үһи тарак? Гөөли һии минтэки!* ‘Кто он? Скажи ты мне!’ [5, с. 57].

5) Вопросительные местоимения *һи?* ‘кто?’, *йа:к?* ‘что?’, *йа:мңа* ‘делатель чего?’ *йанмай* ‘что за действие (процесс)?’, *йа:лдивун?* ‘для чего используемый?’, *йаза:к?* ‘что за место?’, *ади?* ‘какое количество?’ Местоимение *йа:к?* может принимать, как имена, прямую и относительную формы притяжания *йа:ву?* ‘что мое?’, *йа:с?* ‘что твое?’, *йа:н?* ‘что его?’, *йа:ну?* ‘что мне принадлежащее?’, *йа:ңас?* ‘что тебе принадлежащее?’ *йа:ңан?* ‘что тебе принадлежащее?’.

6) Неопределенные местоимения образуются от вопросительных присоединением неопределенных частиц *-ул*, *-вул/-гул/-кул*, *-да/-та*, *-дэ/-тэ*: *һи:-вул* ‘некто’, *һи:-дэ* ‘кто угодно’, *йа:к-кул* ‘нечто’, *ады-вул* ~ *ади-гул* ‘какое-то количество’ и т. д. Числительное *өмэн* ‘один’ в эвенском языке нередко употребляется в функции местоимения с неопределенным значением ‘некто, кто-то’.

7) В эвенском языке отсутствуют морфологические маркеры выражения отрицательного значения местоимений. Неопределенные местоимения с суффиксом *-да/-дэ* получают значение отрицательных в предложениях с отрицательным сказуемым, например: *йа:к-та ачча* ‘ничего нет’; *Үһи:в-дэ эчу бакалдар* ‘Я никого не встретил’.

Местоименные существительные в предложении могут выполнять функцию подлежащего и дополнения, реже сказуемого. Определительные и указательные местоимения выполняют функцию подлежащего при их субстантивации. Следует отметить, что в эвенском языке вне контекста определить категориальную принадлежность именных слов бывает затруднительно, так как, по мнению К.А. Новиковой, «разделение имен на существительные и прилагательные ... недостаточно четко. Имена, взятые отдельно, вне предложения, не имеют никаких специальных морфологических признаков, позволяющих провести такое разграничение. В предложении же в зависимости от места и от синтаксической связи всякое существительное может иметь значение прилагательного, и, наоборот, всякое прилагательное – значение существительного» [6, с. 114].

Подобный факт отмечен и в других языках, в частности, в академической грамматике венгерского языка указывается, что «местоимением называется слово, соответствующее обобщенной лексической категории существительных, прилагательных или числительных; только в контексте, указывая на какое-либо существительное, прилагательное и числительное или относясь к ним, местоимение принимает их конкретное значение» [7, с. 82–83].

Так же, как и имена существительные, субстантивные местоимения обладают грамматическими категориями числа и падежа и выполняют те же синтаксические функции. Но местоимения отличаются от существительных рядом лексических и грамматических признаков, что позволяет объединить субстантивные местоимения в отдельный разряд слов. Отличия заключаются в следующем:

1) Личным местоимениям свойственна категория лица, реализующаяся системой местоименных форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта. Формами 1 лица *би*: 'я' *мут* 'мы с вами', *бу*: 'мы без вас' выражается отнесенность действия к говорящему, отнесенность действия к собеседнику – формами 2 лица *һи*: 'ты', *һу*: 'вы') или к лицу, которое не участвует в диалоге, – формой 3 лица *һоңан* 'он', а также к неодушевленному предмету – формами указательных местоимений *эр*, *эрэк* 'этот', *тар*, *тарак* 'тот'.

2) У существительных и местоимений-существительных не совпадает категория числа.

У личных местоимений 1-го и 2-го лица отсутствуют формы грамматического числа, что можно связать с тем, что формы единственного и множественного числа личных местоимений *би*: 'я', *бу*: 'мы без вас', *мут* 'мы с вами', *һи*: 'ты' и *һу*: 'вы' не противопоставлены по числу: множественное число личных местоимений – это не обозначение множества' *би*: 'я' и *һи*: 'ты', а обозначение совокупности множества лиц. Противопоставление по числу имеет местоименное существительное *һоңан* 'он, она, оно'. Форма множественного числа местоимения 3-го лица *һоңартан* 'они' образуется при помощи суффикса множественного числа *-р* и притяжательного аффикса 3-го л. мн. ч. *-тан*.

Вопросительные местоимения *һа:к?* 'что?', *ади?* 'сколько?', указательные местоимения *эрэк* 'этот', *тарак* 'тот' имеют во множественном числе аффикс *-л*: *һа:к – һа:л*; *ирэк – ирэл*; *ади – адил*, *эрэк – эрэл*, *тарак – тарал*, при этом, в отличие от существительных, в основах, оканчивающихся на *-к*, последний звук замещается аффиксом *-л*. Местоимение *һи?* 'кто' в современном эвенском языке образует форму множественного числа, присоединяя аффикс собирательности *-һа/-һэ*: *һи-һэ?* 'кто? (многие)', хотя К.А. Новикова отмечала наличие малоупотребительной формы с аффиксом множественного числа *-л- һи-л* 'кто? (многие)'.

К.А. Новикова отмечает наличие в ольском говоре двух форм множественного числа определительного местоимения *мэ:һкэн* 'сам' «с аффиксом *-р* и с аффиксом *-сь'л/-сь'л'*, при этом аффиксом множественного числа оформляется как корневая часть местоимения (*мэ:һ-*), так и аффиксальная (*-кэн*), например: *мэ:һкэн* 'сам' – *мэ:ркэр* 'сами' – *мэ:һкэсэл / мэ:ркэсьл* 'сами'. В имеющихся у нас материалах чаще употребляется форма с аффиксом *-сь'л/-сь'л'*» [6, с. 133]. В говорах восточного наречия современного эвенского языка и в литературном языке предпочтительнее форма *мэ:ркэр* 'сами'. В западном наречии, в частности ламунхинском говоре, формы множественного числа *мэ:ркэр*, *мэ:ркэсьл* 'сами' не употребляются: *Һоңортон мэ:һкэн эмэпчэл* 'Они остались сами (одни)'. Это связано с употреблением в западном наречии суффикса множественного числа *-л* и отсутствием форм с суффиксом *-р*, а также с отсутствием согласования определения с определяемым словом в атрибутивных конструкциях.

Форма множественного числа возвратного местоимения *мэ:һи* 'самого себя' образуется в литературном эвенском языке и в восточных говорах от основы множественного числа *мэ:р-* присоединением возвратно-притяжательного суффикса множественного числа *-вур*: *мэ:рвур* 'саших себя'. В говорах Якутии форма множественного числа образуется от формы единственного числа *мэ:һ* при помощи суффикса множественного числа с элизией согласного [w] в виде *-ур*: *мэ:һур* 'саших себя'.

3) Местоимения-существительные отличаются от существительных парадигмой склонения. Различия заключаются в следующем:

а) Местоимения склоняются только в простом беспритяжательном склонении, не принимают формы притяжательного склонения. Исключение составляют субстантивированные указательные местоимения, оформленные аффиксом косвенной принадлежности и лично-притяжательными аффиксами: *эрэ-һ-у* 'это мое', *эрэ-һ-эс* 'это твое', *эрэ-һ-эн* 'это его', *эрэ-һ-эт* 'это наше', *эрэ-һ-эсэн/эрэ-һ-өһнөн* 'это ваше', *эрэ-һ-этэн/*

эрө-ң-өтнөн ‘это их’, *тара-ң-у* ‘то мое’, *тара-ң-ас* ‘то твое’, *тара-ң-ан* ‘то его’, *тара-ң-ат* ‘то наше’, *тара-ң-асан/тара-ң-оһнон* ‘то ваше’, *тараңатан/тараңотнон* ‘то их’. Данные местоимения склоняются как имена с основой на согласный.

б) При склонении субстантивных местоименных слов наблюдается супплетивизм: *би*: ‘я’ – *мин-ду* ‘мне’, *бу*: ‘мы’ (экскл.) – *мун-ду* ‘нам’ (экскл.), *һи*: ‘ты’ – *һин-ду* ‘тебе’, *һу*: ‘вы’ – *һун-ду* ‘вам’); склонение местоимений первого и второго лица нельзя отнести к одному типу склонения, основы *мин* ‘я’, *һин* ‘ты’, *мун* ‘мы’ (экслюзив), *һун* ‘вы’ в винительном, творительном и совместном падежах склоняются как слова с усеченной основой на **-н**, а в местном и продольном) – как имена с неусеченной основой на **-н**. Включительная форма местоимения 1 лица мн. ч. *мут* ‘мы с вами’ склоняется как имена с основами на глухие согласные, но в местном и продольном падежах имеет аффиксы *-тулэ*, *-тули*, тогда как имена II типа склонения имеют форманты *-ла*, *-лэ* и *-ли*.

в) Склонение возвратных местоимений имеет ряд особенностей. Склоняются возвратные местоимения в единственном числе по типу усеченных и неусеченных основ притяжательного склонения, оканчивающихся на **-н**, но в винительном падеже отличаются форманты: если существительные присоединяют аффиксы *-у* (*һин-у* ‘собаку’) и *-м* после основ с усеченной финалью **-н** (*ора-м* ‘оленья’). Парадигма склонения неполная: возвратные местоимения *мэ:ни* ‘самого себя’, *мэ:рвур*, *мэ:н-ур* ‘самих себя’ не имеют формы именительного падежа, изменяются только в косвенных падежах, соотносятся с любым из личных местоимений всех трёх лиц: *Би*: *мэ:нди качикам гарам* ‘Я себе щенка взял’; *һи*: *мэ:нди качикам гаданри/ганни* ‘Ты себе щенка взял’, *Ноңан мэ:нди качикам гадни* – ‘Он себе щенка взял’. В.И. Цинциус отметила в эвенском языке «разрыв между грамматической и логической формой числа субъекта действия (подлежащего) и объекта действия (дополнения), выраженного возвратным местоимением. Это наблюдается ... когда действующее лицо или предмет хотя и выступает в предложении в единственном числе, но мыслится связанным с другими лицами [8, с. 132]: *Акму мэ:рдур гадын* ‘Мой старший брат нам (т. е. себе и мне) взял’».

4) Субстантивные местоимения выполняют синтаксические функции имен существительных. Возвратные местоимения обозначают объект действия, тождественный с субъектом, и занимают в предложении позицию дополнения. Определительные и указательные местоимения выполняют функцию подлежащего при их субстантивации.

Адъективные местоимения

1. Местоимения, соотносительные с именами прилагательными, характеризуются категориальным значением атрибутивности или «обобщенно-качественным значением». К ним относятся:

1) Притяжательные местоимения: (а) лично-притяжательные в краткой форме *мин* ‘мой’ или местоимение 1 лица *би*: ‘я’ в значении лично-притяжательного ‘мой’, *һин* ‘твой’ или местоимение 2 лица *һи*: ‘ты’ в значении лично-притяжательного *һи*: ‘твой’, *ноңан* ‘его, принадлежащее ему’, *мут* ‘наш’ (инклюзив, с вами), *мун* ‘наш’ (экслюзив, без вас), *һун* ‘ваш’, местоимение 2 лица *һу*: ‘вы’ в значении лично-притяжательного ‘ваш’, *ноңартан* ‘их, принадлежащее им’; полные формы лично-притяжательных местоимений, образованные от кратких форм с помощью притяжательного аффикса **-ни**: *миңни* ‘мой’, *һиңни* ‘твой’, *ноңнин* ‘его’, *һунни* ‘ваш’, инклюзивная форма *мутни* ‘наш (с вами)’, экслюзивная форма *мунни* ‘наш (без вас)’, *ноңнитнан / ноңнитан / ноңарнитан* ‘их’; (б) неполные формы возвратно-притяжательных местоимений *мэ:н* ‘свой’, *мэ:р* ‘свой’, полные формы *мэ:рңивур* ‘свой’, *мэ:нңилби* ‘своих’, *мэ:рңилбур* ‘своих’; (в) определительно-притяжательные (лично-возвратные притяжательные местоимения по классификации Б.В. Болдырева) местоимения,

образующиеся от основы возвратного местоимения *мэ:н-* посредством посессивного аффикса *-ңи* и следующего за ним личного аффикса, например: в единственном числе: 1 л. *мэ:н-ңи-в(у)* ‘мой собственный’, 2 л. *мэ:н-ңи-с* ‘твой собственный’, 3 л. *мэ:н-ңи-н* ‘его собственный’; эксклюзивная форма *мэ:н-ңивун / мэ:р-ңи-вун* ‘наш собственный (без вас)’, инклюзивная форма *мэ:ң-ңи-т / мэ:р-ңи-т* ‘наш собственный (с вами)’; 2 л. *мэ:ң-ңи-һнөн / мэ:н-ңи-сһи* ‘ваш собственный’; 3 л. *мэ:ң-ңи-тһнон / мэ:н-ңи-тһни / мэ:ң-ңи-тэн* ‘их собственный’. Данный разряд местоимений употребляется в ламунхинском и охотском говорах эвенского языка и в эвенкийском языке. В отличие и от охотского диалекта и эвенкийского языка определительно-притяжательные местоимения ламунхинского говора образуются не только от основы *мэ:н-*, но и от определительных местоимений с основой *бэй-*: 1 л. *бэй-ңи-ву* ‘мой собственный’, *бэй-ңи-т* ‘наш собственный’; 2 л. *бэй-ңи-с* ‘твой собственный’, *бэй-ңи-һнэн* ‘ваш собственный’; 3 л. *бэй-ңи-н* ‘его собственный’, *бэй-ңи-тһэн* ‘их собственный’. *бэй-ңи-т* ‘наш собственный’. Е.П. Лебедева и О.А. Константинова, Н.И. Гладкова, В.Д. Лебедев, Н.Я. Булатова относят к разряду определительных местоименных слов [9, с. 121; 10, с. 69; 4, с. 191].

2) Указательные местоимения: первичные формы *эр* ‘этот’, *эрэк* ‘этот’, *тар* ‘тот’, *тарак* ‘тот’, *тавор* ‘вон тот’, *өрэп* ‘тот прежний, о котором шла речь’ *иһып* ‘тот’ и производные от них формы сравнения и эмоциональной оценки: *эргичин* ‘подобный этому, такой же, как этот’; *таргичин* ‘подобный тому, такой же, как тот’; *эр-тэкэн* ‘только это’.

3) Определительные местоименные прилагательные, (а) образованные от основ указательных местоимений *эр* ‘это’, *тар* ‘то’: *эррөчин/эрбөчөн* ‘такой, как этот’, *таррөчин/тарбөчөн* ‘такой, как тот’, *эрдин* ‘такой же, как этот по величине’, *тардин* ‘такой же, как тот по величине’, *тачин* ‘такой, так, настолько’, *тачимур* ‘такой, настолько’, ‘таким образом’, *тачикан* ‘такой, настолько’; (б) образованные от разных основ: *чэлэ* ‘весь’, *эйду* ‘весь’, *бэкэчэн* ‘весь’, *чэлэн* ‘всё’, *кубэч* ‘целый, весь’, *эр* ‘любой, разный’, *һөнтэ* ‘другой, чужой’, *һөнтэки* ‘любой’, ‘разный’, *гя* ‘другой’, *гя:дмар* ‘другой’, *өрэп* ‘прежний’, *ирэк-тэ* ‘любой’, *хан* ‘некоторый, часть (чего-либо)’, *мэ:нкэн* ‘сам, один’, *мэ:ркэр* ‘сами’ *бэй-дьи* ‘сам’, *бэй-дьур* ‘сами’, *һо:йа* ‘много’, *абал* ‘мало’, *адукун* ‘немногий’, ‘мало’, *митэрэ* ‘полный, много’; (в) местоимения, образующиеся от основы возвратного местоимения *мэ:н-* посредством аффикса дательного падежа *-ду* и следующего за ним личного аффикса *а* также, в западных говорах личные формы определительного местоимения (лично-возвратные, по терминологии Б.В. Болдырева), образованные от основы *бэй-* ‘сам’: *бэй-у* ‘я сам’. Эти местоименные слова указывают на лицо: *бэй-у* ‘я сам’, *бэй-ө-с* ‘ты сам’, *бэй-ө-н* ‘он сам’, *бэй-ө-т* ‘мы сами’, *бэй-ө-һнөн* ‘вы сами’, *бэй-ө-тһнөн* ‘они сами’. Употребляются в говорах западного наречия эвенского языка, например, в ламунхинском, томпонском, охотском говорах, некоторые падежные формы функционируют и в других говорах Якутии, в частности, момском, догдо-чебогалахском, аллаиховском. По значению близки к возвратным местоимениям в дательном и местном падежах: *мэ:н-ди*, *мэ:н-дулэй*, *мэ:н-дур / мэ:н-дур / мэ:н-дулэур*. Кроме того, в предложении они относятся не только к подлежащему, но и к косвенному дополнению в дательном падеже.

Парадигма личных форм возвратно-определительных местоимений:

Единственное число

1 л.	<i>мэ:ндуву</i>	<i>бөйдуву</i>	‘мне самому’
2 л.	<i>мэ:ндус</i>	<i>бөйдус</i>	‘тебе самому’
3 л.	<i>мэ:ндун</i>	<i>бөйдун</i>	‘ему самому’

Множественное число

1 л. (экскл.)	–	–	
1 л. (инкл.)	<i>мэ:ндут</i>	<i>бөйдут</i>	‘нам самим’
2 л.	<i>мэ:ндуннөн</i>	<i>бөйдуннөн</i>	‘вам самим’
3 л.	<i>мэ:ндутнөн</i>	<i>бөйдутнөн</i>	‘им самим’

4) Вопросительно-относительные местоимения *иррөчин/ирбөчөн* ‘какой’, *авуг* ‘который из них’, *асун/ахун* ‘какой по величине, размеру’, *ирэк* ‘какой?’, *ирдин?* ‘какой по величине?’, *окаран* ‘какой по сроку, времени суток, сезону’, *ңиңи* ‘чей, кому принадлежащий’, *йа:ңи* ‘чему принадлежащий’, *йа:ри?* ‘что делающий?’.

5) Неопределённые местоимения образуются от вопросительных при помощи неопределённых частиц *-ул, -вул-, -гул, -да/-та, -дэ/-тэ*: *ңиңи-вул/ңиңи-гул* ‘чей-нибудь’, *йа:ңи-вул* ‘чему-либо принадлежащий’, *ирэк-кул* ‘какой-нибудь’, *ирэк-тэ* ‘какой-либо, какой бы то ни был’, *иррөчин-ул/ирбөчөн-гул* ‘какой-нибудь’, *авуг-ул* ‘какой-нибудь из них’, *асун-вул/ахун-гол* ‘какой-нибудь по величине, размеру’; *ахун-да* ‘какой бы то ни был по размеру’, *ирдин-гул* ‘какой-нибудь по величине?’, *ирдин-дэ* ‘какой бы то ни был по величине’, *окаран-кул* ‘какой-то по сроку, времени суток, сезону’, *йа:ри-вул/йа:ри-гул?* ‘что-либо делающий’.

6) Отрицательные местоимения не имеют формальных показателей отрицательности, неопределённые местоимения, оформленные аффиксом *-да/-та*: *ңи-дэ* ‘никто’, *ңиңи-дэ* ‘чей-нибудь, чей угодно, чей бы то ни был’, *ирэк-тэ* ‘кое-какой, какой угодно, какой бы то ни был’, *йа:ңи-да* ‘чему-либо принадлежащий, чей бы то ни был’, *ахун-да* ‘какой бы то ни был по размеру’ и т. п. получают значение отрицательных в предложениях с отрицательным сказуемым, например: *Йа:к-та ачча* ‘Ничего нет’; *Ңи:в-дэ эчу бакалдар* ‘Я никого не встретил’; *Эрэк ңин ңиңи-дэ эсни бис* ‘Эта собака ничья’ (букв. ‘Эта собака чья-нибудь не есть’).

2. Адъективные местоимения, или, местоименные прилагательные обладают грамматическими особенностями, которые способствует выделению их в отдельный разряд в составе класса прилагательных.

1) Некоторым разрядам адъективных местоимений свойственна категория притяжательности, в частности, лично-притяжательные местоимения и личные местоимения в качестве несамостоятельных атрибутивных форм лично-притяжательных местоимений выражают принадлежность, определительно-притяжательные местоимения оформляются посессивными аффиксами: *мин* ‘мой’ или местоимение 1 лица *би*: ‘я’ в значении лично-притяжательного ‘мой’, *һин* ‘твой’ или местоимение 2 лица *һи*: ‘ты’ в значении лично-притяжательного *һи*: ‘твой’, *мун* ‘наш’ (экскл., без вас), *мут* ‘наш’ (инкл., с вами), *һун* ‘ваш’, местоимение 2 лица *һу*: ‘вы’ в значении лично-притяжательного ‘ваш’), полные формы лично-притяжательных местоимений, образованные от кратких форм с помощью притяжательного аффикса *-ңи*: *миңи* ‘мой’, *һиңи* ‘твой’, *ноңиңи* ‘его’, *һунңи* ‘ваш’, инклюзивная форма *мутңи* ‘наш (с вами)’, эксклюзивная форма *мунңи* ‘наш (без вас)’, *ноңиңитнан / ноңиңитан / ноңарңитан* ‘их’; *мэ:н-ңи-в(у)* ‘мой собственный’, *мэ:н-ңи-с* ‘твой собственный’, *мэ-ңи-н* ‘его собственный’; эксклюзивная форма *мэ:н-ңивун/мэ:р-ңи-вун* ‘наш собственный (без вас)’, инклюзивная форма *мэ:ң-ңи-т/мэ:р-ңи-т* ‘наш собственный (с вами)’, *мэ:ң-ңи-һнөн/мэ:н-ңи-сни* ‘ваш собственный’; *мэ:ң-ңи-тнон / мэ:н-ңи-тни / мэ:ң-ңи-тэн* ‘их собственный’, а также образованные от определительных местоимений с основой *бэй-*: *бөй-ңи-ву* ‘мой собственный’, *бөй-ңи-т* ‘наш собственный’; *бөй-ңи-с* ‘твой собственный’, *бөй-ңи-һнэн* ‘ваш собственный’; *бөй-ңи-н* ‘его собственный’, *бөй-ңи-тнэн* ‘их собственный’.

2) Категория числа адъективных местоимений имеет свои особенности. В основном, образование форм множественного числа зависит от конечного звука основы: *ади* – *адил*

‘сколько – сколько много’, *өрэп* – *өрэпэл* ‘прежний – прежние’, *мэ:н* – *мэ:р* ‘свой – свои’. В западных говорах функционирует только основа единственного числа *мэ:н* ‘свой, свои’. Число личных местоимений 1-го и 2-го лица в значении атрибутивных притяжательных местоимений не выражается формальными показателями: *би: амму* ‘мой отец’, *мут аманти* ‘наш отец’, *һи: аманси / аманһи* ‘твой отец’ и *һу: амансан / һу: аманһон* ‘ваш отец’. Противопоставление по числу имеет местоименное слово *ноңан* ‘его’, ‘её’, ‘принадлежащее ему, ей’, *ноңартан* ‘их, принадлежащее им’. Форма множественного числа местоимение 3-го лица *ноңартан* ‘их’ образуется при помощи суффикса множественного числа **-р** и притяжательного аффикса 3-го л. мн. ч. **-тан**. Вопросительные местоимения *йа:к?* ‘что?’, *ади?* ‘сколько?’, *ирэк* ‘который’, указательные местоимения *эрэк* ‘этот’, *тарак* ‘тот’ имеют во множественном числе аффикс **-л**: *йа:к* – *йа:л*; *ирэк* – *ирэл*; *ади* – *адил*, *эрэк* – *эрэл*, *тарак* – *тарал*, *авуг* – *авугал*, при этом, в отличие от имен, в основах, оканчивающихся на **-к**, финальный формант замещается аффиксом **-л**. Местоимение *һиңи?* ‘чей, кому принадлежащий’ образует форму множественного числа, присоединяя аффикс собирательности **-йа/-јэ**: *һи-јэ:һи?* ‘чей, кому (многим) принадлежащий?’.

3) Склонение адъективных местоимений зависит от типа основы, как и склонение именных классов слов. Краткие формы возвратно-притяжательных местоимений *мэ:н* ‘свой’, *мэ:р* ‘свой’, не склоняются, так как в атрибутивных конструкциях не согласуются с определяемым словом: (форма вин. п.) *мэ:н ко:рбакај* ‘свою шапку’, *мэ:р оралдулавур* ‘своим оленям’. В западных говорах местоимение *мэ:н* ‘свой’ не согласуется с определяемым словом и в числе: *мэ:н жу:ткивур* ‘к своим домам’. Имеет особенности и склонение вопросительных и указательных местоимений с основой, заканчивающейся на **-к**, *ирэк?* ‘который, какой’, *эрэк* ‘этот’, *тарак* ‘тот’, в косвенных падежах происходит усечение основы и элизия аффикса **-р / -ра / -рэ** и финали **-к** и замещение падежным аффиксом: в им. п. *эрэ-к* ‘этот’, ‘это, этот’, в дат. п. *э-ду* ‘этому’, в мест. п. *э-л’э* ‘на этом’, в прод. п. *э-ли* ‘по этому’, в отл. п. *э-дук* ‘от этого’; в винительном падеже происходит замещение финали **-к** падежным аффиксом: *эрэ-в*, в направительном (в восточных говорах в направительно-местном и направительно-продольном), исходном, творительном и совместном падежных аффикс присоединяется к основе *эр-*, *тар-*, *ир-*.

4) Местоименные прилагательные в предложении выполняют синтаксические функции имени прилагательного, чаще определения, сказуемого, именного компонента сказуемого, при субстантивации – подлежащего.

Согласование адъективных местоимений в функции атрибутива факультативно в большинстве говоров. В говорах эвенов Якутии, кроме березовского диалекта, как правило, функционируют изафетные конструкции первого и второго типа, определение присоединяется в начальной форме к определяемому слову, например: *һа:н* (в ед. ч.) *куңал* (во мн. ч.) *эвиддэ* ‘Некоторые дети играют’, *Элэ һа:н* (в ед. ч., им. п.) *бэйлбу* (во мн. ч., вин. п.) *һа:рам* ‘Здесь некоторых людей знаю’, *Эрэк* (в ед. ч., им. п.) *оролбу* (во мн. ч., вин. п.) *һу:мала тинит* ‘Эти оленей в стадо (мы) пустили’, *Эрэк* (в ед. ч.) *бэйл* (во мн. ч.) *илнидюр биддивур һар...* ‘Эти люди знают, что втроем живут...’ [11, с. 13]; *Эрэк төрдү биңсий* ‘Когда на этой земле жил’ [12, с. 111]; *эрбөчөн илкэндук* ‘из такого знака’, *тарбочон урэкчэр* ‘такие горы’. Согласование сохраняется в западных говорах только в идиоматических конструкциях с атрибутивом *эрэк* ‘этот’, например, *эрэв инэңив* ‘сегодня’, *эрэв анңанив* ‘в этом году’.

В учебной литературе отмечается нарушение согласования указательных и определительных местоимений: «Из десяти разрядов местоимений согласуются с существительным в числе и падеже лишь указательные, некоторые из определительных (*чэлэн* ‘все’, *хөнтэ* ‘иной’) и вопросительные местоимения, например: *Эрэл төрэл иррөчһинь буквач томкипчал?* ‘Эти слова с какой буквы начинаются?’ *Эрэв хисэчин ноңан минтэки хэбденю тэлэңу тэлэңрин*. ‘В этот вечер он рассказал мне интересную историю (рассказ)’...

Согласования в ряде случаев в падеже может и не быть, например: *Кунтэк чамкачанни ок-та эррөчин деплэв эч көөр*. Полевая мышь никогда не видела такой еды» (Эвенский язык: учеб. для пед. уч-щ / Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Л.: Просвещение, 1991, 304 с.). Определительные местоимения *кубэч* 'весь, все', *һа:н* 'некоторый' не согласуются в падеже с определяемым словом: *Һан җэлгэнкэл дьугулитэн һо:һа нимкал дукапчал* 'О некоторых животных написано много сказок'.

Занимая синтаксическую позицию определения, определительные местоимения, как правило, не склоняются, примыкая к определяемому слову, большинство определительных местоимений склоняется только при субстантивации: *Һа:н* (не согласуется в падеже и числе) *һипкирэлдүлэт* (мест. п. притяж. склонения) *һоя олда и:чэ, тарав бэкэччэ:мэн* (вин. п. притяж. склонения) *би эмури* 'В некоторые запоры попало много рыбы, и я все их принес'.

Краткие несамостоятельные формы притяжательных местоимений не согласуются с определяемым словом: *мин (би) куңадукув* 'от моего ребенка', *мин (би) бугу* 'моя страна', *һин җу:лас* 'в твоём доме', *ноңан акнилни* 'его братья', *һу: мо:мидукусан / мо:мидукуһнан* 'из вашей лодки'. К.А. Новикова отметила функционирование в ольском говоре полных форм притяжательных местоимений в качестве согласованного определения: «*М'инң'ил'бу җылбу эмудэтһн гөли* 'Скажи, чтобы пришли мои родственники'. *Ноңң'илбан һ'инһ'илбан эскэвэттһ* 'Его собак хвалят» [6, с. 151]. В говорах эвенов Якутии самостоятельные формы притяжательных местоимений, как правило, не употребляются в качестве определений, в предложении выполняют функцию подлежащего, замещая имя в форме принадлежности: «*М'ин амму өл'м'ивэттһн, ноңң'ин – колкбс орһрбан көсчиддһн* 'Мой отец охотится на белку, его (отец) пасет колхозных оленей' [6, с. 151]. Чаше полные формы употребляются в роли сказуемого и дополнения: *Эрэк ни:на һиңңи* 'Эта посуда – твоя'; *Һин-кэнэ тэл'ичэмус җэбдэкун, тадук һинң'ив манриһур, н'ан м'инңив җһэбин* 'Давай сначала будем есть твой запас, затем, твой уничтожив, мой будем есть' [6, с. 151].

Местоименные числительные

Местоимениям, категориально соотносительным с именами числительными, свойственно обобщённо-количественное значение. Эвенские местоимения с количественным значением могут быть: вопросительными: *ади* 'сколько', *асун/аһун* 'сколько'; указательными: *ирдин?* 'столько?', *эрдин* 'столько', *тардин* 'столько', *милтэрэ* 'много, полно', *һо:һа* 'много', *абал* 'мало, недостаточно', *адыкун/адукун* 'мало'; неопределёнными: *ады-вул/ади-гул*, 'несколько, сколько-нибудь', *ади-да* 'сколько-то, сколько бы ни было'.

Б.В. Болдырев и другие исследователи относят местоименные слова этой группы к определительным местоимениям. Местоимения с количественным категориальным значением рассматриваются с учетом их семантического значения: «Тем же нормам согласования, что и количественные числительные, подвержены определительные местоимения: *һоя* 'много', *абал* 'мало', *милтэрэ* 'полно', вопросительное местоимение *ади* 'сколько', неопределёнными: *ады-да* 'сколько-то'» (Эвенский язык. Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А.Л., 1991, с. 235).

Как и числительные, они изменяются по падежам и, как правило, вместе с существительными выступают в функции одного члена предложения: *Ади-да килепу гарин* 'Несколько хлебов он взял'; *Клубла милтэрэ бэй бисни* 'В клубе полно людей'; *Хо абал оран эмэпчэ* 'Совсем мало оленей осталось' (Таңанмайду литература: Учеб. пособие на эвенском языке для уч-ся 10–11 кл. общеобр. учрежд. / Сост.: А.Д. Кейметинова, В.С. Кейметинов. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2007, 238 с.); *Ноңартан асум-да бисивур этэн хар* 'Они

сколько так живут, не знают' [11, с. 13]; *Асум гору бидэнуур-дэ этэн-дэ нара* 'Сколько долго так жили, даже не знают' (Таңанмайду литература. СПб., 2007, с. 96).

Адвербиальные местоимения

Адвербиальные местоимения, или местоименные наречия, указывают на признак, не называя его, совмещают признаки и местоимений (указание на признак) и наречий: указывают на образ действия (*о:н* 'как', *ичин?* 'как?', 'так', 'настолько', *тачимур* 'так', 'настолько', 'таким образом'; *о:н-гул / о:н-вул / о:н-ул* 'как-то, как-нибудь', *ичин-тачин* 'и так и сяк', 'по-всякому', *о:н-да* 'никак'), меру и степень (*ахун* 'насколько', *тачикан* 'настолько'), место (*илэ* 'где', *иду* 'где', *илэ* 'куда', *иртэки/иртики* 'куда', *идук* 'откуда', *идук-кул* 'откуда-то', *элэ* 'здесь', *тала* 'там', *эдук* 'отсюда', *тадук* 'оттуда', *илэ-тала* 'кое-где, то там, то сям', *илэ-дэ* 'езде', *эйду* 'езде', *кубэтту* 'всюду', *илэ-вул/илэ-гул* 'где-то, где-нибудь', *илэ-дэ* 'нигде', *идук-та* 'ниоткуда', *илэ-дэ* 'никуда'), время (*о:к?* 'когда?', *о:к-та* 'никогда', *таракам* 'тогда', *эрэгэр* 'всегда', *на:дун* 'иногда', *тарич /тарит* 'затем'), причину (*йа:ми-вул* 'почему-то', *те:ми* 'потому, поэтому'), цель (*йа:ми?* 'почему?' *йагай?* 'зачем? для чего?' *йадай?* 'зачем?' *йадук?* 'отчего?').

Как и наречия, местоименные наречия не изменяются. Падежные формы указательных адвербиальных местоимений нельзя рассматривать как живую падежную форму. Н.Я. Булатова отметила эту особенность местоименных наречий в своей работе: «Живыми падежными формами можно считать только формы указательных местоимений во множественном числе, а в единственном числе к таковым можно отнести формы вин., дат., напр., мест., прод., отлож., твор. и совм. падежей, которые в предложении выступают в функции определения, чаще несогласованного и при субстантивации – дополнений, в остальных же случаях падежные формы адвербиализовались и выполняют функции наречий: обстоятельств места, времени, а некоторые из них – функции союзных слов» [4, с. 206]. *Тала бини кэнэли одькэн, хан орчил намгидатки хөрритэн*. 'Когда... жизнь там стала трудной, часть орочей ушла в сторону моря' [6, с. 133]; *Титэл тала бисибур хойав олав бэйчиривун* 'Раньше, когда мы там жили. Мы много ловили рыбы' [12, с. 105]; *Бэйтээн эду мээкэлбэнни* 'Каждый здесь кружился (танцевал)' [13, с. 17].

Адвербиальные местоимения эвенского языка рассматриваются, как правило, в составе наречий: «Имеется ряд наречий места, производных от указательных местоимений: *элэ*, *тала* (местный падеж) *здесь*, *там*; *эдук*, *тадук* (отложительный падеж) *отсюда*, *оттуда*» (Эвенский язык. Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А.Л., 1991, 304 с.). Местоименные наречия можно рассматривать как проявление прономинально-адвербиальной конверсии. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков обратили внимание на слова, частеречную принадлежность которых невозможно установить вне контекста. К.А. Новикова предложила название «имя предметно-качественно-наречное» словам, имеющим значение всех именных частей речи и получающим конкретизацию только в речи, употребляясь в трех синтаксических функциях: определяемого, определения и обстоятельства» [6, с. 119].

Глаголы с местоименной семантикой

В сибирской подгруппе тунгусо-маньчжурских языков местоименные слова соотносительны не только с именными частями речи, но и предикативами и глаголами. В языках разных систем грамматисты обратили внимание на наличие глаголов с местоименной семантикой или местоименных глаголов. Несмотря на то, что в традиционной морфологии глаголы с местоименной семантикой не рассматриваются как самостоятельный разряд, в научной литературе достаточно терминов, обозначающих соответствующие глаголы:

«дейктические глаголы», «местоглаголие», «глаголы с местоименной семантикой», «местопредикативы», «местоименные глаголы»: «Кроме местоимений к местоименным словам относятся местоименные наречия и местоименные глаголы... Местоименные глаголы – типологически более редкий класс местоимений (ср. в тат. яз. нит Ү ‘делать что-то’, монг. ингэх, тэгэх ‘делать так’, яах? ‘что делать?’)» (Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. М.: Большая Российская энциклопедия, 1990, 685 с.).

В.В. Виноградов в книге «Грамматическое учение о слове» приводит ссылку: «Проф. А.И. Зарецкий находит в русском языке и “суррогат глагольного местоимения”: “описательное глагольное местоимение *что делать?* То, что это, действительно, представляет одно целое местоимение, видно из того, что в ответе на этот вопрос слово *делать* не повторяется и не подразумевается, например: *Что ты делаешь? – Читаю* (а не *делаю чтение* или *дела читать*)”. (Зарецкий. О местоимении)» [14, с. 271].

Н.Ю. Шведова использует термин «дейктические глаголы» для обозначения русских глаголов с местоименной семантикой: «Принято утверждать, что в русском языке нет дейктических глаголов. Однако это неверно: у нас есть как собственно формообразующие глаголы, так и дейктические глаголы, по своему смысловому назначению с совпадающие с местоимениями. К собственно формообразующим глаголам относится *быть*, строящее в парадигме предложения формы прошедшего, будущего времени и формы ирреальных синтаксических времен... Собственно дейктическими можно считать формы *стало*, *станет* в случаях типа *Так и стало/станет*, *Стало/станет холодно...*» [15, с. 40].

Определению категориального класса глаголов с дейктической заместительной семантикой в современном русском языке посвящены работы Г.В. Федюновой «О статусе местоглаголия в языке», «Местоглаголие в северо-восточных русских говорах». Г.В. Федюнова резюмирует немногочисленные упоминания данного класса слов в научной литературе: «Под местоглаголием часто понимаются разные языковые явления, объединенные функцией заместительности глагольных позиций в высказывании. Об этом свидетельствует «терминологическая туманность», окутывающая данное явление: термины «местоглаголие», «дейктические глаголы», «местоименные глаголы», «глаголы с местоименной семантикой», «местопредикативы», «провербы» и т. д., встречающиеся в отдельных работах, не имеют дефиниций и используются от случая к случаю. Чаще всего под местоглаголием понимают глаголы с очень общей семантикой процессуальности или экзистенциональности, способные выступать на месте того или иного полнозначного глагола или отдельных семантических групп, следовательно, иметь в некоторой степени функции указания и замещения. Обычно в качестве таковых приводятся глаголы со значениями «делать», «стать», «быть», «происходить» и т. д.» [16, с. 89].

В.А. Роббек рассматривает вопросительный глагол «йадай» в составе семантического разряда вопросительных местоимений: «Однокоренным с местоимением *йа:к?* является вопросительный глагол *йа:дай?* (форма деепричастия цели) ‘что делать?’, от него образуются многочисленные вопросительные местоимения, например: *йа:лдивун?* ‘для какого действия, для чего назначенный?’, *йа:мңа?* ‘чем занимающийся?’, *йа:д’ак?* ‘что за место?’ *йа:нмай?* ‘что за процесс (действие)’ и др.» [17, с. 588].

Вслед за Роббеком, первым квалифицировавшим разряд эвенских глаголов с местоименным значением, Н.Я. Булатова в системе местоимений северной группы тунгусских языков выделила местоимения, соотносимые с глаголом: «В сибирской подгруппе тунгусо-маньчжурских языков отмечены, прежде всего, местоименные глаголы с корнем *ё- // ё̄- // ъ-*, имеющие общий корень с вопросительным местоимением *ё̄-*, *ё̄кун* – *ѳекун* – *й̄кун* / *јакун*: 1. ‘что’, 2. ‘кто’, 3. ‘как’, ‘в чем дело’, ‘неужели’ – эвенк.; *ё̄к* – *ё̄к* – *ѳё̄к* – *ѳё̄ко* – *јак* – *јак*. 1. ‘что’, ‘что такое’, 2. ‘что за’, ‘какой’, ‘чей’, 3. ‘кто’ (о животных) – эвен.; *ё̄хун* – *екун* ‘что’, ‘кто’,

‘какой’ – нег. В ТМС вопросительные глаголы с корнем *ĕ- // ā- // ʷ-* отмечены только в эвенкийском, эвенском и негидальском языках» [4, с. 222].

А.Л. Мальчуков в диссертационном исследовании эвенского синтаксиса отметил лексико-грамматическую неоднородность вопросительных местоимений: «Частеречная характеристика этого разряда различна: различаются вопросы к именным частям речи – существительным (иак ‘что’, ‘кто’ (о животных), нги ‘кто’) и прилагательным (например, ирэк ‘который’), наречиям, и даже глаголам. Последние представлены вопросительным глаголом иа- ‘что делать’ (в различных аспектуальных и залоговых формах), а также глаголами, образованными от именных вопросительных основ при помощи глаголообразующих суффиксов иа-лта- ‘что строить’, иа-лат- ‘кем приходится’ (из родственников) и т. д.» [18, с. 140].

Вопросительный местоименный глагол *йа:дай* происходит от основы субстантивного вопросительного местоимения *йа:к* ‘что?’, от которого образованы и адвербиальные местоимения (*йа:ми?* ‘почему?’ *йа:дай?* ‘зачем?’ *йа:гай?* ‘зачем? для чего?’ и др.). Формы деепричастия условия *йа:ми?* ‘если сделать’, безличного деепричастия цели *йа:дай?* ‘что делать?’, ‘зачем?’ подверглись адвербиализации и употребляются в качестве вопросительных местоименных наречий с семантикой цели или причины *йа:ми?* ‘почему?»: *Йа:ми* (адвербиальное местоимение) *эһэнни зэптэ?* ‘Почему не ешь?»; *Улдэв йа:ми* (деепричастие условия) *ибго бимчэ?* ‘Что бы сделать с мясом (было бы хорошо)?»; *Тачин-нюн йа:ми* (деепричастие условия) *чилдажинни?* ‘Только так поступая справишься с трудностями’; *Йа:дай куңал окаттаки һөрчэл?* ‘Зачем дети пошли к реке?’

Глагольное местоимение *йа:дай?* имеет полную парадигму аспектуально-темпоральных и залоговых форм, форм наклонения, числа, лица причастных и деепричастных форм, например: *йа:д-да-н* ‘что он делает?’ (3 л., ед. ч., наст. вр., несов. в.), *йа:жи-нни* ‘что ты сделаешь’ (2 л., буд. время,), *йа:ват-та?* ‘что они обычно делают?’ (3 л., мн. ч., наст. вр., вид обычного действия), *йа:вкан-ча-л?* ‘что они побудили сделать?’ (причастие прошедшего времени, побудит. форма залога, мн. ч., 3 л.) *йа:ни-кан?* ‘что делая?’, *йа:гра-ча?* ‘что он делал неоднократно?’ (причастие пр. вр., вид неоднокр. действия, 3 л.), *йа:на-нни/нри?* ‘что ты идешь делать?’ (2 л., наст. вр., отпав. вид) и т. д.

Субституцию полнозначного глагола могут выполнять вспомогательные глаголы с обобщенной семантикой процессуальности *нектэй / нэктэй* ‘делать’, *одай* ‘стать’, *бидэй* ‘быть’, например: *Яв нэчинни? – Жэбзим* ‘Что будешь делать? – Есть’; *Эгээлбуми илэ гургэвчижинни? – Орлчимңа ожим* ‘Когда вырастешь, где будешь работать? – Оленеводом стану’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майтинская К.Е. Местоимение в языках разных систем. М., 1969. 308 с.
2. Болдырев Б.В. Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Новосибирск, 2004. 87 с.
3. Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007. 932 с.
4. Булатова Н.Я. Местоимения в сибирской группе тунгусо-маньчжурских языков / Тр. Ин-та лингвистических исследований. – СПб., 2003. – Т. 1, ч. 3. С. 171–236.
5. Кривошапкин А. Якутск, 1983. 64 с.
6. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор: в 2 ч. М., 1960. Ч. 1. 263 с.
7. Стеблин-Каменский М.И. Называние и познание в теории грамматики / Вопр. языкознания. 1971. № 5. С. 82–83.
8. Цинциус, В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка / В.И. Цинциус. Л., 1947. 270 с.
9. Константинова, О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. – Москва.: Наука, 1964. – 272 с.
10. Лебедев, В.Д. Охотский диалект эвенского языка. – Л., 1982. – 243 с.
11. Осенина, Д.М. Эвэн нимкарни / Сост. А. Лаврилье, Д. Матич. – Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications. – Printed in Germany / Electronic edition: www.siberian-studies.org/publications/PDF/lcevnim.pdf.
12. Лебедев, В. Икээ эцин / В.Д. Лебедев. – Якутск: Книжное изд-во, 1984. – 192 с.
13. Баргачан В.С. Орын хоотын. Якутск, 1982. – 40 с.
14. Виноградов В.В. Русский язык: (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
15. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998. – 176 с.
16. Федюнева Г.В. О статусе местоглаголия в языке / «Вопросы языкознания». 2011. № 2. – С. 89–97.
17. Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск, 2007. – 726 с.
18. Мальчуков, А.Л. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб., 2008. – 425 с.

Fedorenkova Valeria Stepanovna

The Herzen state pedagogical university of Russia, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: Valeria.141169@mail.ru

Classification of substitutive words of the even language by categorical meaning

Abstract. The article is part of a dissertation study of the pronominal system of the even language. The article analyzes the problems and principles of classification of substitutive words in the tungus-manchu languages and in the even language. Determining the grammatical status and classification of substitute words is a problem that grammarians solve according to their attitude to the principles of separating pronominal words as a significant part of speech. In linguistics, there are two main approaches to classifying pronominals: (1) semantic, which considers the semantic categories of pronouns, and (2) grammatical principle in accordance with the categorical correlation of pronouns with other parts of speech. To classify pronouns according to the formal-grammatical principle, either functional (by substituted words) or morphological features are considered.

The author notes the predominance in most studies of tungus-manchu languages of the semantic principle of classification of pronominal words, i.e. the distribution of personal, reflexive, possessive, demonstrative, interrogative, relative, indefinite, negative and other pronouns. Depending on the categorical meaning of "substantiality", "attribution" or "feature of the subject" and the correlation with the words of the corresponding parts of speech in the even language, the author identifies these groups of pronouns: substantive, adjectival, adverbial pronouns, pronouns-numerals and verbs with the substitution semantics.

Keywords: Tungus-Manchu languages; even language; grammatical class of words; pronominal system; pronoun; semantic categories of pronominal words; formal-grammatical classification of pronominal words

REFERENCES

1. Maytinskaya K.E. (1969). Mestoimenie v yazykakh raznykh sistem. [*Pronoun in languages of different systems.*] Moscow, p. 308.
2. Boldyrev B.V. (2004). Chasti rechi i grammaticheskie kategorii ehvenkiyskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii. [*Parts of speech and grammatical categories of the Evenki language in comparative coverage.*] Novosibirsk, p. 87.
3. Boldyrev B.V. (2004). Morfologiya ehvenkiyskogo yazyka. [*Evenki language morphology.*] Novosibirsk, p. 932.
4. Bulatova N.Ya. (2003). Mestoimeniya v sibirskoy gruppe tunguso-man'chzhurskikh yazykov. [*Pronouns in the Siberian group of the Tungus-Manchu languages.*] Saint Petersburg, pp. 171–236.
5. Krivoshepkin A. (1983). Yakutsk, p. 64.
6. Novikova K.A. (1960). Ocherki dialektov ehvenskogo yazyka: Ol'skiy govor. [*Essays on the dialects of the Even language: Olsky dialect.*] Moscow, p. 263.
7. Steblin-Kamenskiy M.I. (1971). Naming and cognition in the theory of grammar. *Questions of linguistics*, 5, pp. 82–83 (in Russian).

8. Tsintsius V.I. (1947). Oчерk grammatiki ehvenskogo (lamutskogo) yazyka. [*Grammar of Even (Lamut) language.*] Leningrad, p. 270.
9. Konstantinova O.A. (1947). Ehvenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya. [*Evenki language. Phonetics. Morphology.*] Moscow: Science, p. 272.
10. Lebedev V.D. (1982). Okhotskiy dialekt ehvenskogo yazyka. [*Okhotsk dialect of the Even language.*] Leningrad, p. 243.
11. Lavril'e A., Matich D. (2013). Osenina D.M. Ehvehn nimkarni. [*Osenina D.M. Evan Nimkarni.*] [online]. Available at: www.siberian-studies.org/publications/PDF/lcevnim.pdf.
12. Lebedev V.D. (1984). Ikeheh ehñin. [*Two shoulders.*] Yakutsk: Book Publishing House, p. 192.
13. Bargachan V.S. (1982). Oryn hootyn. [*The place is hot.*] Yakutsk, p. 40.
14. Vinogradov V.V. (1972). Russkiy yazyk: (grammaticheskoe uchenie o slove). [*Russian language: (grammatical doctrine of the word).*] Moscow: Higher School, p. 614.
15. Shvedova N.Yu. (1998). Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimeniy i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva. [*Pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces they discover.*] Moscow, p. 176.
16. Fedyuneva G.V. (2011). On the status of the locality in the language. *Questions of linguistics*, 2, pp. 89–97 (in Russian).
17. Robbek V.A. (2007). Grammaticheskie kategorii ehvenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte. [*Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect.*] Novosibirsk, p. 726.
18. Mal'chukov A.L. (2008). Sintaksis ehvenskogo yazyka: strukturnye, semanticheskie, kommunikativnye aspekty. [*Even language syntax: structural, semantic, communicative aspects.*] Saint Petersburg, p. 425.